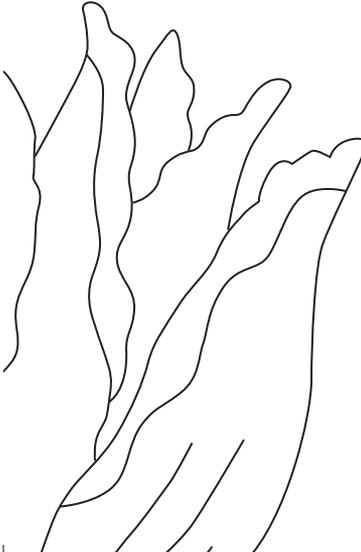

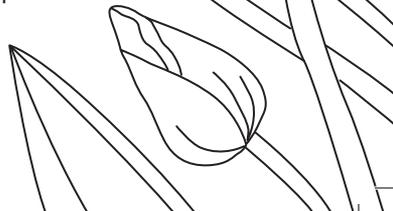

СУЛЕЙМАН
АДДОНИЯ
ГОРЬКИЙ
ВКУС
ЛЮБВИ

АРКАДИЯ
Санкт-Петербург
2019

УДК 821.111
ББК 84-44(5)
А28

Sulaiman Addonia
CONSEQUENCES OF LOVE

Перевела с английского

Елена Копосова

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Ирина Бабушкина

Издательство выражает благодарность
литературному агентству *Andrew Nurnberg Literary Agency*
за содействие в приобретении прав.

Аддония С.

А28 Горький вкус любви : [роман] / Сулейман Аддония;
[пер. с англ. Е. Копосовой]. — СПб. : Аркадия, 2019. —
384 с. — (Серия «Роза ветров»).

ISBN 978-5-906986-59-7

Роман переносит нас в Саудовскую Аравию, на раскаленные солнцем улицы Джидды. Религиозная полиция, насаждая жесткие законы шариата, пристально следит за моральным обликом правоверных мусульман: мужчинам и женщинам, не состоящим в браке, запрещено не только общаться, но даже перекинуться взглядом.

Вопреки всему юные Насер и Фьора полюбили друг друга. Влюбленные подвергают себя огромной опасности: ведь им приходится идти на множество рискованных ухищрений, чтобы хоть изредка увидеться на улице или тайно обменяться любовными посланиями.

УДК 821.111
ББК 84-44(5)

© Sulaiman S.M.Y. Addonia, 2008
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2019

ISBN 978-5-906986-59-7

Какими бы ни были мои мечты о будущем, главное место в них я всегда отводил матери. Но теперь эти мечты ускользали от меня. Мама отсылала нас прочь: меня, десятилетнего мальчика, и моего трехлетнего братика.

Мы стояли на берегу реки, у наспех сооруженной кофейни... За ближайшим холмом начинались заросли кустарника, и где-то в них пролегал тайная тропа из нашей деревни в Эритрее в Восточный Судан. Добраться туда можно было только на верблюде — так тернист и безводен был этот путь.

Первые из проводников-контрабандистов уже прибыли. В неверном свете фонарей виднелись крутые бока их верблюдов. Вокруг столпилось много людей, однако не все они бежали от войны. Некоторые, как моя мама и другие женщины, жившие на Холме любви, пришли попрощаться. Но все остальные, и в том числе мы с братом, через несколько минут должны были превратиться в беженцев. В целом свете у меня не было никого, кроме мамы, и я с ужасом ждал момента, когда фонари погаснут и верблюды двинутся в путь через заросли. Жизнь, которую я знал и любил, в этот миг оборвется.

Я стоял рядом с Семирой, маминой лучшей подругой, а мама отошла к прилавку, чтобы купить теплого молока для маленького Ибрагима. Она стояла, повернувшись спиной ко мне. Продавщица тем временем зачерпнула из кастрюли молока, налила его в жестяную чашку и подала Ибрагиму.

Появилось еще несколько верблюдов. За ними шли люди, подгоняя животных длинными палками, — то были проводники из племени Бени-Амир народности беджа. Волосы у них были уложены в замысловатые прически, белые джеллабы перевязаны синими поясами, а за плечами висели мечи.

Мама вернулась туда, где стояли мы с Семирой. Странно, что почти никто не плакал. Все — Семира, мама и даже я — без остановки рыдали целый день, и, наверное, слезы у нас просто иссякли. Нам оставалось лишь попрощаться.

Я не мог наглядеться на маму. Она была одета в длинное черное платье, ноги обуты в ее любимые красные итальянские туфли на каблуках, подаренные Семирой. Моя мама и без того была высокой женщиной, а туфли делали ее еще выше.

Она передала Ибрагима на руки Семире и обняла меня за плечи. Семира отошла к другим женщинам, которые столпились возле верблюдов и фонарей и ждали своей очереди, чтобы попрощаться со мной.

Вдруг раздался грохочущий рев моторов. Я взглянул в небо и увидел, что над нашей деревней кружит эфиопский истребитель. Прижавшись к маме и зажмурив глаза, я молился: «Прошу тебя, о Аллах, пусть самолеты улетят навсегда. Пожалуйста, о Аллах. Пожалуйста, о Аллах».

Вскоре в небе опять воцарилась тишина, и тогда один из контрабандистов подошел к моей матери.

— Верблюды готовы, Рахима, — сказал он. — Не волнуйтесь. С вашими детьми всё будет хорошо.

Мама подхватила с земли одну из масляных ламп, сжала в руке мою ладошку и двинулась к каравану. Но я упирался, не отрывал ноги от песка.

— Я не пойду, мама.

Она наклонилась ко мне. Качнулись и тихонько зазвенели длинные серьги. От нее исходил изумительный аромат, словно волны ладана от курильницы благовоний. По маминым плечам рассыпались длинные черные волосы. Я прижался головой к ее груди. Она крепко обняла меня. Как бы я хотел, чтобы мы стояли так вечно!

Мама прошептала:

— Сладкий мой, я поступаю так, потому что люблю тебя.

Я взмолился — еще раз, последний раз:

— Пожалуйста, мама, не отсылай нас! Я хочу остаться здесь, с тобой. Пожалуйста, мамочка!

Она мягко высвободилась из моих объятий и сказала:

— Я хочу взглянуть на тебя, милый. — Ее ладони обхватили мою голову. — Давай пообещаем друг другу одну вещь. — Ее тихий голос дрожал, по щекам текли слезы. — Давай пообещаем, что всегда будем любить друг друга, где бы мы ни были и что бы с нами ни случилось.

Наши пальцы сплелись, и она наклонила голову, чтобы поцеловать мою руку.

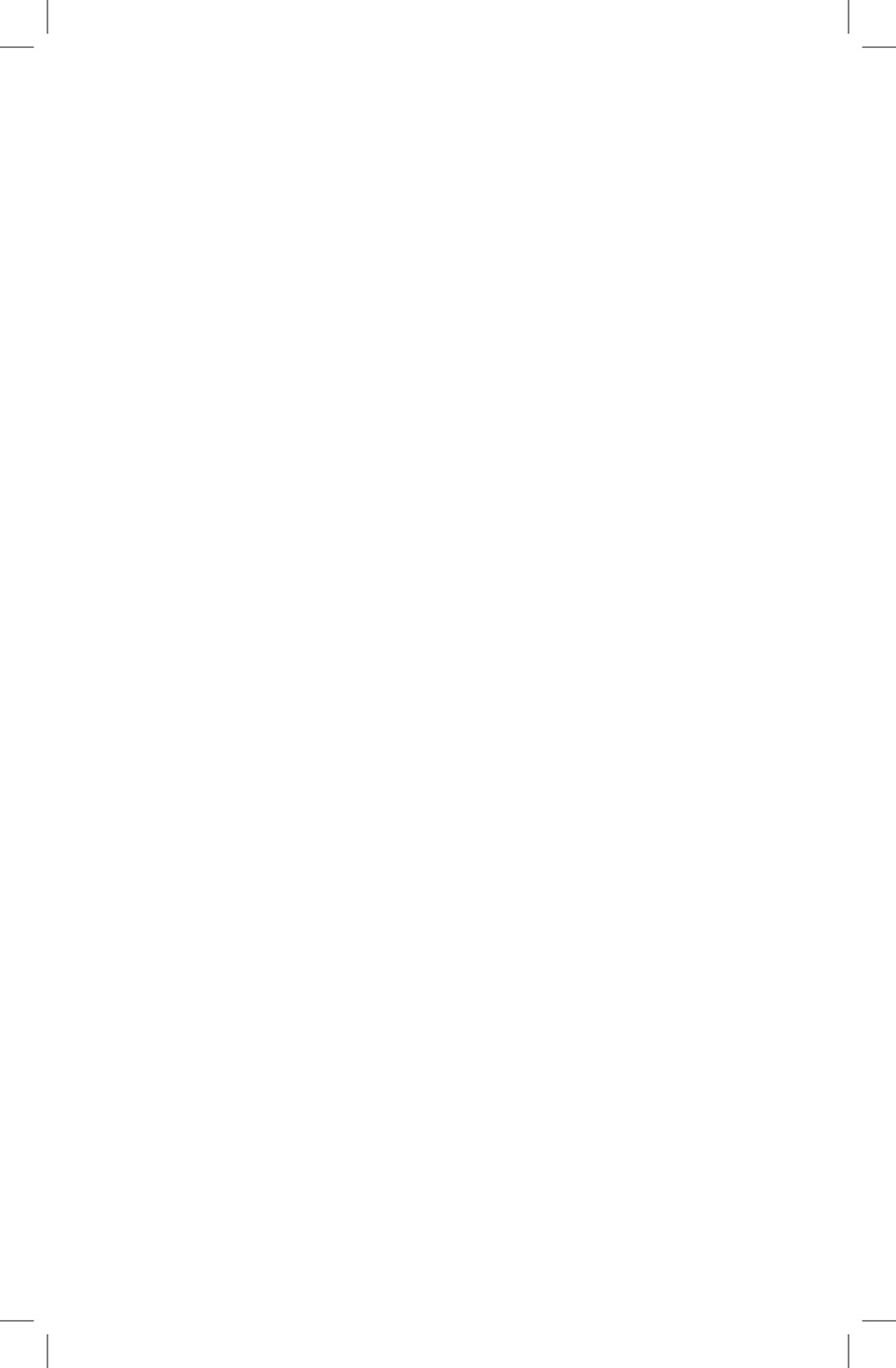
Контрабандисты крикнули, что караван трогается в путь. Я в последний раз обнял маму, так порывисто, что опрокинул лампу, стоящую на земле. На мамины красные туфли упал круг света.

Верблюды один за другим начали движение. Я, уже усаженный на спину одного из них, обернулся, стал искать взглядом мать. Я хотел увидеть ее лицо еще хотя бы разок, но свет у ее ног медленно угас, и маму скрыла ночь.

Часть первая

ЧЕРНО-БЕЛОЕ КИНО

Вечер второй пятницы июля был вечером расставаний. Стоял тысяча девятьсот восемьдесят девятый год, и все, кто мог позволить себе отпуск, покидали Джидду. Я распахнул окно, чтобы впустить в комнату влажный бриз. С улицы доносились запахи пряной кабсы¹, смешанные с ароматами мужского одеколона. Так пахнет день, уступающий место ночи.

Зазвонил телефон. Я отсчитал шесть сигналов и снял трубку. Это был Джасим. Он хотел, чтобы я зашел к нему в кафе попрощаться — на завтра он уезжал в Париж. Джасим часто ездил за границу и всегда привозил подарки, чтобы, как он сам утверждал, воспитать чувственность в тех, кого он любит.

А еще он сказал мне забрать очередной ворох писем, которые я написал для матери. Много раз я пытался отправить письма домой, но всякий раз их возвращали. А в качестве обратного адреса я обычно указывал адрес кафе Джасима — с тех самых пор, как познакомился с ним.

В то время я жил в крошечной квартирке в жалком двухэтажном домишке. Ничего лучшего я себе позволить не мог, зарабатывая на автомойке всего четырехста риалов в месяц. Жилище мое находилось в конце длинной улицы, которая в середине расширилась, образуя площадь, формой своей напоминая мне

¹ Кабса — арабское блюдо из мяса и риса.

фигуру мужчины с большим животом и длинными ногами. На площади теснились магазины и рестораны, а дальше улица опять сужалась и так и тянулась тонкой ниткой до самой Харентины.

В дневное время ряды зданий, выкрашенных белых краской, ослепительно сияли в лучах солнца; многочисленные мужчины неизменно были одеты в белые тобы², а редкие женщины — исключительно в черные абайи³. Казалось, будто ты попал в черно-белое кино.

Я шел мимо вилл, окруженных садами. Ветерок превращал садовые деревья в медленно танцующих балерин. Чуть дальше по улице Аль-Нузла бросалось в глаза самое высокое — девятиэтажное! — здание района. Жили в нем только богачи.

Передо мной неторопливо шагали два молодых человека. Держась за руки, они свернули в йеменский магазин. Потом мне пришлось остановиться, чтобы пропустить мужчину в джеллабе⁴ и тахье⁵, — он нес в руках коробку, полную пластиковых бутылок из-под «пепси». Я заправил футболку в спортивные брюки и продолжил путь.

Аромат мускуса наполнил мои ноздри. Значит, самая большая мечеть района уже недалеко. Одно время я жил в доме дяди, по соседству с ней, теперь же переехал в другой дом на той же улице, но мечеть всё равно оставалась ближайшей из всех.

² Тоб — мусульманская мужская одежда, белое платье до щиколоток.

³ Абайя — традиционное мусульманское женское платье с длинными рукавами для ношения в общественных местах.

⁴ Джеллаба — традиционная арабская одежда, свободный халат с остроконечным капюшоном.

⁵ Тахья — плоская шапочка.

Перед входом в мечеть я увидел шестерых бородатых мужчин. Они стояли так близко друг к другу, что казалось, будто их бедра и плечи склеены. Дружно, как один, они посторонились, пропуская выходящего из мечети слепого имама. Это из-за него я перестал посещать молитвы. Имам цеплялся за руку высокого мужчины, который в другой руке нес черную кожаную сумку. Трепетали на ветру длинные бороды.

Я опустил голову и быстро перешел на другую сторону улицы. К счастью, имам и его спутник пошли в противоположном направлении.

Вдруг рядом со мной с визгом затормозил джип с тонированными стеклами — религиозная полиция. Я застыл. Нужно было бежать, но ноги налились тяжестью. Трое бородатых мужчин выпрыгнули из машины и решительно двинулись ко мне. Я не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. К счастью, они миновали меня и скрылись в здании за моей спиной.

Через несколько секунд они вышли, но уже вместе с Мухсином — юношей, с которым я учился в одной школе. Мы с ним не дружили, даже не были знакомы, но я его узнал — его ни с кем нельзя было спутать, потому что он подражал романтическому стилю Омара Шарифа, египетского актера, популярного в шестидесятых. Я вжался в стену. Вслед за Мухсином выскочила из дома его мать и со слезами стала умолять агентов полиции отпустить ее сына — во имя Аллаха.

— Пожалуйста, простите его, он мой единственный сын, единственный мой кормилец! Аллах милостив, Аллах — это любовь!

Полицейские затолкали Мухсина в джип, и один из них обернулся к несчастной матери.

— Иди в дом и прикрой лицо, да покарает тебя Аллах! — закричал он и бросился к ней, размахивая

поднятой с земли палкой. Прежде чем женщина добралась до двери, он успел ударить ее по спине и ягодицам.

И вот черный джип умчался в сторону улицы Мекки. Я поспешил к дверям дома, чтобы утешить Умм Мухсин. Через небольшое окошко я видел, что она сидит на ступенях внутренней лестницы и плачет. Дрожащей рукой она тянулась к перилам, желая встать, но не могла. Я постучал по стеклу, однако она даже не взглянула в мою сторону.

На углу Аль-Нузлы и улицы Мекки я остановился, размышляя, куда идти дальше. Меня пугала возможность встречи с самым известным палачом Джидды, Абу Фейсалом — отцом моего школьного приятеля Фейсала. Я посмотрел туда, где стояла их вилла, и, заметив белый «кадиллак», припаркованный у ворот, немедленно повернул в другую сторону.

Джасим приветствовал меня радушной улыбкой, которую подчеркивала аккуратно подстриженная борода. Он был одет в арабское платье, закатанные по локоть рукава которого обнажали крепкие волосатые руки.

Посетители кафе с любопытством поворачивали ко мне головы. Запах табака шиша — с дымком, сладковатый — постепенно поглощался запахом горячего кофе, щедро сдобренного кардамоном. Джасим был занят, поэтому я сел и стал ждать.

От нечего делать я разглядывал клиентов и обратил внимание на то, что Джасим взял себе нового официанта. Юноша скользил между столиками так плавно, будто нижняя часть его тела была сделана из желе. Когда он проходил рядом со мной, я видел,

как посетители тянутся, чтобы прикоснуться к нему. А он отводил их руки в сторону, словно мягкие занавеси.

Кафе было тесно заставлено столиками — с умыслом: Джасим хотел, чтобы мужчины терлись телами друг о друга и «высекали огонь».

— Нет ничего слаще, чем наблюдать, как двое мужчин ласкают друг друга, — сказал он мне однажды. — Только тогда я понимаю, откуда возникает пламя любви.

В то время его слова вызвали во мне недоумение.

— Но если мужчины хотя бы на секунду предположат, что все эти прикосновения вызваны не только недостатком места, то они сожгут твое кафе!

Джасим хитро взглянул на меня и расхохотался.

Кафе Джасима польхало всеми цветами радуги. Его пристрастие к ярким краскам не ограничивалось лишь стенами, но распространялось и на скатерти, и на костюм официанта. Стены были разделены на две части — верхняя половина покрашена в нежно-розовый цвет, а нижнюю, теплого серого цвета, украшали нарисованные Джасимом бутоны.

У столика, где неизменно восседали Фавваз и его приятели (их шепот едва доносился из-под густых усов), юный официант нагнулся, чтобы убрать миниатюрные кофейные чашки. Он составил посуду на поднос и почти бегом понесся в дальний угол комнаты, под спасительную прохладную струю воздуха, льющуюся из кондиционера. Встав лицом к стене, он поднял край своего тоба и промокнул им мокрый от пота лоб. Синяя скатерть послужила идеальным фоном для его бедер, затянутых в брюки из бежевого бархата.